

УДК 316.74:27-184(476)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР-МУСУЛЬМАН)

С. Г. КАРАСЁВА¹⁾, Е. В. РЕУТ¹⁾

¹⁾Институт философии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Предложено рабочее определение религии, проведена дифференциация таких ее аспектов, как опыт, система и традиция. Охарактеризована дихотомия сакральной (ритуальной) и профанной (повседневной) сфер мироприятия и образа жизни последователей религии. Определено, что символизм границы между сакральным и профанным означает ее условность и ведет к частичному размыванию канонической чистоты религии на ее периферии, где доминирует профанное, при сохранении канона на оси ее передачи, где охраняется сакральное. Обозначена миссия тех последователей религии, которые специализируются на знании канона и исполнении ритуала (священнослужителей), в отношении размывания канона. Констатируется, что в их задачи входит критическое осмысление парана- и инорелигиозных компонентов, проникающих в содержание религии на ее периферии (на уровне повседневных практик простых последователей) и канонически допустимое внедрение этих компонентов в религиозную систему.

Ключевые слова: религия; религиозная идентичность; белорусские татары-мусульмане; сакральное и профанное; синкретизм; монотеистические традиции.

Образец цитирования:

Карасёва СГ, Реут ЕВ. Социально-психологические аспекты религиозности (на примере белорусских татар-мусульман). Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2025;3:24–30. EDN: DEKECQ

For citation:

Karassyova SG, Reut LV. Socio-psychological aspects of religiosity (a case of Belarusian Tatar Muslims). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2025;3:24–30. Russian. EDN: DEKECQ

Авторы:

Светлана Геннадьевна Карасёва – кандидат философских наук, доцент; ведущий научный сотрудник Белорусско-турецкого исследовательского центра.

Елизавета Викторовна Реут – младший научный сотрудник Белорусско-турецкого исследовательского центра.

Authors:

Svetlana G. Karassyova, PhD (philosophy), docent; leading research fellow of the Belarusian-Turkish Research Center. karassyova@mail.ru

Lizaveta V. Reut, junior research fellow of the Belarusian-Turkish Research Center. liliiren6997@mail.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF RELIGIOSITY (A CASE OF BELARUSIAN TATAR MUSLIMS)

S. G. KARASSYOVA^a, L. V. REUT^a

^a*Institute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

Corresponding author: L. V. Reut (liliiren6997@mail.ru)

Abstract. A working definition of religion is proposed, and its aspects such as experience, system, and tradition are differentiated. The dichotomy of the sacred (ritual) and profane (everyday) spheres of worldview and lifestyle of religion followers is characterised. It is determined that the symbolism of the boundary between the sacred and the profane signifies its conventionality and leads to the partial blurring of the canonical purity of religion on its periphery, where the profane dominates, while maintaining the canon on the axis of its transmission, where the sacred is protected. The mission of those followers of the religion who specialise in the knowledge of the canon and the performance of rituals (priests) is outlined in relation to the erosion of the canon. It is stated that their tasks include a critical analysis of the para-, non-, and foreign-religious components that infiltrate the content of the religion on its periphery (at the level of everyday practices of ordinary followers) and the canonically acceptable integration of these components into the religious system.

Keywords: religion; religious identity; Belarusian Tatar Muslims; sacred and profane; syncretism; monotheistic traditions.

Введение

Проблема, раскрываемая в данной части исследования, лежит на стыке двух дисциплин – психологии (ее социального аспекта) и религиоведения (междисциплинарного пространства, объединяющего в своем предметном поле концепции и подходы разных социально-гуманитарных дисциплин). На грани соприкосновения психологии и религиоведения развивается субдисциплина – психология религии, которая изучает религию с точки зрения религиозного опыта (индивидуального и коллективного) и организующих его религиозных систем. Влиятельными основоположниками психологии религии являются У. Джеймс, Г. С. Холл, Дж. Г. Леуба, З. Фрейд, К. Г. Юнг, Э. Фромм, К. Хорни, Б. Ф. Скиннер, А. Маслоу, К. Р. Роджерс, Р. Мэй, В. Франкл, Г. Оллпорт, И. Д. Ялом, Р. Ассаджоли, М. Аргайл, Д. Бэтсон, Л. Вентис, Д. А. Вульф, П. Хилл, Р. Худ и др.) [1–7; 8, с. 191–269]. Опорными для настоящего обзора служат концепции психологов З. Фрейда, К. Г. Юнга, В. Кёлера, К. Коффки, К. Левина, Дж. Дж. Гибсона, А. Маслоу, Г. Олпорта, социологов Д. Э. Дюркгейма, Р. Беллы, культуроло-

гов А. ван Геннепа, К. Гирца, В. С. Семенцова и др.¹, религиоведов М. Элиаде, Х. Хоффмана и др.

В настоящей работе предлагается концепция исследования малоизученного религиоведческого феномена, относящегося к социально-психологической сфере – восприимчивости последователей влиятельных религиозных традиций (прежде всего монотеистических) к пара-, не- и инорелигиозным смыслам. Проведенное исследование было реализовано в несколько этапов: 1) теоретико-методологическое обоснование концепции; 2) разработка диагностического инструментария; 3) пилотажная апробация методик. Более детальное освещение эмпирической части исследования с представлением релевантных данных и их статистическим анализом планируется в следующих научных статьях. Объектом исследования служили члены религиозных общин монотеистических конфессий Республики Беларусь. Результатами этой части исследования выступили выявленные взаимосвязи между характером религиозной вовлеченности, с одной стороны, и структурно-функциональными особенностями человеческого восприятия, с другой стороны.

Способность, структура и функции человеческого восприятия

Способность восприятия, или отражения реальности, является свойством всех живых организмов. Она усложняется по мере совершенствования организации их структуры и функций. На более простом уровне организации жизни эта способность

реализуется при получении информации о каком-либо свойстве предмета или явления (ощущение). Более комплексным процессом является получение информации о явлениях и предметах в целом, в совокупности их свойств (восприятие как форма

¹Красников А. Н. Методологические проблемы религиоведения : учеб. пособие для магистратуры. М. : Юрайт, 2017. 241 с. ; Он же. У истоков религиоведения. Формирование религиоведческой парадигмы. Проблемы философии религии и религиоведения : учеб. пособие. Калининград : Калининград. гос. ун-т, 2003. С. 15–77.

отражения). И в случае сложноорганизованных форм жизни появляется возможность сохранения и воспроизведения в памяти образов этих предметов или явлений (представление). В человеческой психике обработка информации (представлений) осуществляется с помощью операции опосредованного, абстрагирующего восприятия – мышления, формами которого являются понятие, суждение, умозаключение, при этом сами представления рекомбинируются при помощи воображения. Синтезом всех указанных форм отражения является интуиция, формирующая идеи – бесконечно-конкретные образы реальности [1]. Способность человеческого восприятия имеет предельно сложную структуру, но может быть описана в соответствии с универсальной моделью человека как единства физических, психических и динамических свойств [9].

Человека можно определить как живое существо, способное целенаправленно изменять реальность и себя вместе с ней. Из этой дефиниции следует, что человек сам определяет (выбирает) оптимальные направления и формы своей активности. Выбор обусловлен разноуровневостью его жизненных потребностей. Потребности возникают на каждом из трех фундаментальных уровней организации индивида (физическом, психическом и динамическом). На физическом, или телесном, уровне организации человека происходит его интеграция в материальную реальность. На психическом, или воспринимающем, уровне для человека символически отображается реальность в форме чувств, образов и мыслей. На динамическом, или поведенческом и деятельном, уровне энергия чувств, образов и мыслей трансформируется в автоматические (непроизвольные) или осознаваемые (целенаправленные) действия. На каждом уровне реализуются потребности в физическом выживании, психическом балансе, сознательном достижении определенных целей соответственно. Необходимо отметить, что все три вида потребностей, формирующихся на различных уровнях организации индивида, получают свою субъективную актуализацию на психическом уровне, т. е. через восприятие и самовосприятие [10–12].

Под восприятием в данном контексте понимается способность и процесс отражения реальности в символических (чувственных (ощущение, образ, представление), абстрактных (понятие, суждение, умозаключение) и синтетических (идея)) формах. Все, что с человеком происходит, – от телесных, или физических, ощущений, непроизвольных реакций, эмоций и мыслей до простых актов и сложных программ произвольного поведения – является содержанием его психики. Такая трактовка психики соответствует пониманию восприятия как способности и процесса активного отражения реальности и совпадает

с широкой трактовкой сознания, которая отличается от узкой, означающей ясное и отчетливое восприятие реальности. Под реальностью здесь понимается все существующее – актуально и потенциально, материально и идеально; объективно и субъективно.

Итак, восприятие структурировано по уровням организации человека (физическому, психическому, синтетическому) и формам (от ощущения до идеи). Но кроме того, оно функционирует в разных режимах активности, обусловленных способностями памяти, воображения и внимания. И если память (способность хранить все воспринятое содержание) и воображение (способность рекомбинировать воспринятое) оперируют всем объемом воспринимаемого, то внимание охватывает лишь ту его часть, которая доступна ясному и отчетливому восприятию, или сознанию в узком смысле этого слова.

Будучи сфокусированным благодаря восприятию, внимание определяет сознаваемую часть психики. То, что за пределами сфокусированного внимания, или сознаваемой части психики, является сферой бессознательного. Некоторый объем бессознательного (как правило, тот, который был воспринят на периферии фокуса внимания более или менее отчетливо) легко доступен запросу внимания и может быть осознан. Но весь остальной его объем (по некоторым представлениям, бесконечный) трудно доступен вниманию, т. е. осознанию. Этот объем бессознательного формируется несколькими путями:

1) накапливается непроизвольно. В силу тотальности и непрерывности восприятия сфера бессознательного, ввиду безусловного доверия индивида к собственному опыту, вбирает в себя вообще все, что воспринимается человеком как само собой разумеющееся;

2) становится непроизвольным, т. е. автоматическим, в результате привыкания;

3) непроизвольно, автоматически вытесняется из сознания как нежелательный, недопустимый под давлением нормативных запретов² [13].

Бессознательное характеризуется как сфера психики, неподконтрольно и ощутимо влияющая на жизнь человека, его чувства, мысли и волю. Влияние сферы бессознательного обусловлено витальной заряженностью его содержаний, которые имеют имманентную динамическую природу (способность аккумулировать и воспроизводить интенсивность первичных впечатлений, действенная сила, детерминирующая поведение через автоматизм установок, а также устойчивая побудительная активность, сохраняемая вопреки механизмам вытеснения). Именно в этой сфере укореняются религиозные убеждения, определенным образом мотивирующие жизненное поведение человека. Они складываются в основном двумя путями: 1) через проживание экс-

²Психоаналитические термины и понятия : словарь / пер. с англ. А. М. Боковой, И. Б. Гриншпуна, А. Фильца ; под ред. А. М. Боковой, М. В. Ромашкевича. М. : Класс, 2000. 304 с.

траординарного опыта; 2) через интериоризацию выражающих этот опыт истин и предписаний, принимаемых с безусловным доверием. В обоих случаях религиозная позиция приобретает отчасти иррациональный, т. е. бессознательно обусловленный характер.

В рамках религиозной идеи, которая является ответом на вопрос о смысле жизни, определяется предельный горизонт существования человека и реорганизуется соответствующим образом структура его личности, т. е. система его ценностей и, как следствие, мотиваций. Структура психики вообще, и особенно различие и связь сознательной и бессознательной ее сфер, влияет не только на вовлеченность человека в религию, но и на характер этой вовлеченности.

В общих чертах характер вовлеченности индивида в религию может быть представлен следующим образом. Опыт (весь объем воспринятого, т. е. испытанного, человеком) хранится как в сознаваемой памяти (незначительный объем), так и в бессознательной памяти (объем установить невозможно). В силу активности восприятия, проявляющейся в деятельности воображения, содержания памяти, особенно ее бессознательной части, перекомпоновываются под давлением постоянно действующих как сознаваемых, так и несознаваемых потребностей. Внимание может обнаруживать в бессознательной и уже обработанной воображением памяти трансформированные, ирреальные образы и сюжеты. Постфактум внимание начинает сознательно конструировать рациональные объяснения обнаруженных ирреальных композиций. Рациональное обоснование иррациональных продуктов воображения имеет место и при построении религиозных картин мира. Важно, что доверие людей к продуктам собственного воображения безусловно, поскольку эти продукты обладают субъективной очевидностью. Однако конфликт субъективной очевидности с объективным и тоже очевидным положением дел приводит к необходимости выбирать одну из очевидных реальностей либо как единственную, либо как первоначальную. Степень доверия к воображаемой реальности, по сравнению с данной, определяет характер вовлеченности человека в идею и его образ жизни [5].

Восприятие религиозного человека определяется экзистенциальным запросом на смысл, который мог бы противостоять конечности жизни, оправды-

вал бы конечную жизнь перед лицом смерти. Другими словами, оно определяется запросом на бессмертие. Поскольку в физическом мире бессмертие невозможно, психика религиозного человека кардинально переориентируется с опоры на очевидный опыт на веру в неочевидные идеи, содержание которых безусловно принимается за истину.

Основой принятия служит решение – акт сознательной и (или) бессознательной воли, который выступает механизмом обращения человека в религию. Феномен и процесс религиозного обращения можно представить как композицию факторов (острый экзистенциальный кризис, требующий именно абсолютного разрешения; активный, настойчивый поиск выхода из кризиса; переворотный акт обретения трансцендентного смысла), обуславливающих глубокую мировоззренческую трансформацию личности.

Религиозное обращение – это событие, которое превращает религию (любую другую смысловую систему) из безразличного для человека содержания в его личное смысловое поле, при этом неважно, становится оно единственным или остается одним из многих. Религиозное обращение может быть быстрым и интенсивным, радикально преобразующим личность, а значит полным или, по крайней мере, глубоким; поступательным и спокойным, медленно изменяющим смысловой горизонт личности, а значит частичным, поверхностным.

Таким образом, в структуру религиозного обращения входят следующие составляющие:

- 1) потребность личности в предельном (религиозном) смысле, которая проявляется через экзистенциальный кризис;
- 2) активность человека в поиске выхода из кризиса;
- 3) его чувствительность именно к религиозному смыслу и готовность принять этот смысл;
- 4) ключевое событие или фигура, выполняющие для индивида функцию проводника в сферу религии.

В социологии религиозное обращение называют также конверсией, или радикальным изменением модели мира индивида и интеграцией его в сообщество, следующее принятой модели. В психологии этот процесс может рассматриваться как самоактуализация, или качественные (структурные) изменения личности и ее экзистенциальной ориентации под влиянием новой определяющей идеи [14].

Религия и ее структура

В рамках настоящей статьи религия понимается предельно широко – как система представлений, деятельности и институтов (организованных общностей), символически артикулирующая опыт поиска и (или) обретения истины трансцендентного порядка. Такое понимание религии включает все из-

вестные формы почитания трансцендентной (трансцендентно-имманентной) реальности (от зрелых сложно организованных религий до аморфных религиозных сред и настроений). Историческое, временное измерение религии образует, как уже отмечено, ее традицию [15].

Быть последователем религии – значит быть приверженцем ее идеи, которая является квинтэссенцией той или иной формы трансцендентного опыта, а также системы представлений, деятельности и институтов (отношений), в рамках

которых эта идея реализуется. Таким образом, неизменное присутствие религии, ее разнообразных систем во всех пространствах и периодах культуры говорит о существенной потребности человека в ней [16].

Религия и ее последователи

Любая религия – сложный системный феномен, предлагающий своим последователям особую модель реальности и соответствующий ей образ жизни. Эта модель строится на специфическом опыте, который основатели и последователи религии считают опытом трансцендентного порядка. В качестве трансцендентной мыслится реальность, одновременно и внеположная миру по своей сути, и понижающая его своим действием, силой. Это определение значит, что реальность, трансцендентная миру, одновременно внутренне присуща (имманентна) ему. Иными словами, трансцендентное, будучи по своей природе запредельным, не остается пассивным или отстраненным по отношению к миру, а напротив, активно проявляет себя в нем, что и составляет суть его имманентного присутствия. Таким образом, религия, в основе которой заложен опыт трансцендентного, предлагает своим последователям двуединый вектор развития: во-первых, религия призывает выйти за пределы имманентного существования и ориентирует на существование трансцендентное; во-вторых, для ориентации на трансцендентное религия подчиняет все уровни, аспекты и моменты имманентного существования индивида, организуя и насыщая их смыслом через постоянную устремленность к трансцендентному. Религия – модель трансцендентного в имманентной реальности [16; 17].

Разная степень вовлеченности, а значит, разная мера потребности людей в трансцендентной истине, обуславливает противоречивую динамику религиозной традиции. Живой опыт поиска и (или) обретения истины спорит с фиксированной, канонизированной системой ее выражения.

Соответствие и несоответствие живого запроса и опыта приобщения к традиции, с одной стороны, и канонизированной формы ее исповедания, с другой стороны, приводит к разнообразию позиций следования ей и в конечном счете к ее неизбежной диверсификации. Среда последователей традиции неоднородна из-за разной степени их вовлеченности.

По критерию вовлеченности можно выделить разные группы последователей. Так, мера интеграции религиозного смысла в структуру личности определяет позиции вовлеченности по шкале от утилитарной до жертвенной. Способ вовлеченности определяет институциональный статус и роль в религиозной системе (специалист-священнослужитель, служащий посредником между сакральным и повседневным, или простой, обычный последо-

ватель, пользующийся посредничеством специалиста).

Различие всех приверженных той или иной религии по способу вовлеченности означает, что их можно разделить на две основные группы: 1) последователей-специалистов, отвечающих за чистоту (аутентичность) и сохранение религиозной идеи и выражающей ее системы; 2) обычных последователей, которые обращаются к специалистам как к посредникам между объектом религиозного почитания, т. е. символом религиозной идеи, и своей повседневной жизнью, от которой они не готовы или не способны отказаться. Специалисты в большей степени посвящают себя воспроизводству идеала религии, сокращая объем повседневности в своем личном опыте и образе жизни за счет культивирования сакрального порядка. Обычные последователи остаются по преимуществу в повседневной, т. е. профанной, реальности, лишь иногда (по необходимости или по предписаниям религиозного календаря) включаясь в сакральные события и состояния. Граница между сакральным и профанным имеет психологический (сформированный во внутреннем мире последователей) и символический (заданный в виде ритуальных мест, действий, предметов) характер [18]. В то же время ее психологический аспект, будучи продуктом личного опыта каждого последователя, отличается подвижностью и контекстуальной зависимостью. Данная подвижность обусловлена тем, что сакральные символы, сохраняя форму, постоянно меняют содержание (значение) под действием жизненного опыта и культурно-исторической динамики. Из-за этого в содержание религий проникают не- или иномысленные элементы. Это явление обуславливает парадоксальность и характер повседневной реальности любой религии. Сохранение канона обеспечивается усилиями религиозных специалистов, т. е. последователей, максимально вовлеченных в религию. Именно они воспроизводят идеал религии (идею (квинтэссенцию религиозного опыта) и символизирующий ее образ), снова и снова делают его реальностью. Что же касается обычных последователей, то они значительную часть жизни проводят в профанном пространстве-времени, где каноническое содержание религии размывается, смешиваясь с не- и иномысленными элементами. Таким образом, размывание канонических смыслов религиозной традиции происходит в диффузной зоне ее соприкосновения с другими религиями и нерелигиозным культурным полем [19].

Результаты и их обсуждение

Для анализа религиозности белорусских татар-мусульман, принявших участие в исследовании, и ее взаимосвязи с их психосоциальными характеристиками были использованы два ключевых тезиса:

1) ислам – это традиция, обращенная к своим последователям в большей степени через рассудок и рациональные аргументы. Принципы веры и предписания образа жизни последователей ислама опираются на рациональные выводы из положений священных книг (Коран и Сунна);

2) последователи ислама в большей степени склонны к регламентированности образа жизни, чем последователи, например, христианских конфессий, особенно православия [20; 21]. Эти тезисы могут указывать на большую приверженность последователей ислама к рациональному способу вовлеченности.

Для операционализации данных тезисов и анализа специфики религиозности белорусских татар-мусульман используются сведения республиканского исследования религиозности об обстоятельствах обращения к религии, в данном случае – к исламу. В рамках исследования определены следующие факторы обращения к исламу: 1) социальное окружение; 2) экзистенциальные искания; 3) неблагоприятные обстоятельства; 4) чудесные события. Методологическое допущение исследования заключалось в том, что обращение через социальное окружение в большей степени соотносится с рациональными аспектами сознания, тогда как экзистенциальные искания, неблагоприятные обстоятельства и чудесные события преимущественно связаны с эмоционально-аффективной и иррациональной сферой человеческой психики.

Сравнение данных об обстоятельствах религиозного обращения татар-мусульман и всех религиозных респондентов показывает, что под влиянием именно социального окружения в религию приходят 83 % белорусских последователей ислама, тогда как среди всех религиозных белорусов этот показатель составляет 68 %, что подтверждает исходное методологическое допущение. Более детальное сопоставление данных об обстоятельствах религиозного обращения (социальное окружение, экзистенци-

альные искания, неблагоприятные обстоятельства, чудесные события) белорусских татар-мусульман и всех религиозных респондентов не только углубляет выявленный разрыв по доминирующему фактору, но и демонстрирует значительно меньшую представленность эмоционально-аффективных мотивов среди мусульман, что подтверждает исходное допущение еще раз. Так, тестовый вопрос о способе религиозного обращения под влиянием социального окружения в анкете республиканского исследования религиозности содержал три варианта ответа: 1) семейное воспитание; 2) особенная встреча с религиозным (верующим) человеком; 3) постоянное близкое общение с верующими (религиозными) людьми (родственниками, друзьями, коллегами и др.). Из этих трех вариантов ответа первый и третий очевидно теснее связаны с рациональными формами обращения к религии, чем второй. Анализ полученных данных показывает, что обратились к религии под влиянием семейного воспитания 57,6 % мусульман и 41,2 % всех верующих, под влиянием особенной встречи – 5,1 % мусульман и 9,0 % всех верующих, а под влиянием постоянного близкого взаимодействия с религиозной средой – 20,3 % мусульман и 17,9 % всех верующих.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает, что выдвинутое предположение о связи психологических особенностей восприятия с характером религиозной вовлеченности является состоятельным и методологически продуктивным. В рамках настоящего исследования эта связь была успешно проиллюстрирована на примере ключевого параметра – обстоятельств религиозного обращения, который выступил репрезентативным индикатором. Полученные результаты обуславливают целесообразность дальнейшего исследования религиозности и ее психологических аспектов. Развитие данных тезисов предполагается продолжить на следующем этапе исследования путем привлечения и сравнительного анализа более широкого числа параметров, таких как особенности религиозной практики, структура религиозных представлений и специфика переживания сакрального.

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что религиозная идентичность белорусских татар-мусульман формируется под влиянием сложного взаимодействия социально-психологических факторов и особенностей религиозного восприятия. Теоретический анализ позволил предположить, что структура человеческого восприятия, включающая взаимодействие сфер сознательного и бессознательного, оказывает существенное влияние на характер религиозности. Эмпирически установлено, что дихотомия сакрального и профанного в религиозной практике характеризуется высокой степенью условности и проницаемости, что

способствует внедрению инорелигиозных элементов в периферийные области религиозного сознания. Важным аспектом является роль культурных и исторических факторов, которые формируют уникальные особенности религиозной идентичности белорусских татар-мусульман. Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении выборки, включении дополнительных параметров религиозности, а также в проведении сравнительного анализа с другими конфессиональными группами для выявления общих и специфических характеристик религиозной идентичности в контексте многоэтничества и религиозного разнообразия Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Двойнин АМ. Проблема веры в психологии: историко-теоретический обзор. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4, Педагогика. Психология*. 2013;3:113–128. EDN: RSXISF.
2. Зенько ЮМ. Психология религии: основные проблемы и перспективы развития. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2009;27(3):196–210. EDN: РНУКJT.
3. Фолиева Т, Малевич Т. Психология религии в XX веке: основные вехи развития. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2016;4:68–91.
4. Джеймс У. *Воля к вере*. Блинников ЛВ, Поляков АП, переводчики. Москва: Республика; 1997. 431 с. (Мыслители XX века).
5. Оллпорт Г. *Личность в психологии*. Шпионский ЛМ, редактор; Авидон ИЮ, переводчик. Москва: КСП+; 1998. 345 с.
6. Флурнуа Т. Принципы религиозной психологии. В: Московское религиоведческое общество. *RELIGO. Альманах Московского религиоведческого общества. Выпуск 1, 2004–2007*. Москва: Прогресс-Традиция; 2008. с. 203–222.
7. Маслоу А. *Мотивация и личность*. Гутман Т, Мухин Н, переводчики. Санкт-Петербург: Питер; 2003. 351 с.
8. Маслоу А. *По направлению к психологии бытия. Религии, ценности и пик-переживания*. Рачкова Е, переводчик. Москва: Эксмо-Пресс; 2002. 270 с.
9. Степин ВС. *Философская антропология и философия науки*. Москва: Высшая школа; 1992. 191 с.
10. Рубинштейн СЛ. *Основы общей психологии*. Брушлинский АВ, Абульханова-Славская КА, составители. Санкт-Петербург: Питер; 2000. 720 с.
11. Хьелл Л, Зиглер Д. *Теории личности*. Санкт-Петербург: Питер; 2008. 607 с. (Мастера психологии).
12. Майерс Д. *Социальная психология*. Гаврилов В, Шпак С, Меленевская С, Викторова Д, переводчики. Санкт-Петербург: Питер; 2010. 794 с.
13. Фрейд З. *Основные психологические теории в психоанализе*. Вульф М, переводчик. Москва: АСТ; 2006. 400 с.
14. Stark R, Bainbridge WS. *A theory of religion*. New York: Lang; 1987. 812 p.
15. Фолкнер Д, де Йонг Г. Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ. *Социологические исследования*. 2011;12:69–76. EDN: ONGKFL.
16. Карасёва СГ. *Типология религиозности в современной Беларуси*. Минск: БГУ; 2018. 219 с.
17. Тейлор Ч. *Секулярный век*. Васильев А, переводчик. Москва: Библийско-богословский институт святого апостола Андрея; 2017. 967 с. (Философия и богословие).
18. Элиаде М. *Священное и мирское*. Гарбовский НК, переводчик. Москва: Московский университет; 1994. 143 с.
19. Карасёва СГ. Социально-антропологическая обусловленность религии. *Наука и инновации*. 2023;4:25–27. EDN: RINDKO.
20. Карасёва СГ, Шкурова ЕВ. Многомерный кросс-конфессиональный подход к исследованию религиозности: актуальность и концептуализация. *Социология*. 2012;3:123–132.
21. Карасёва СГ, Шкурова ЕВ, Шатравский СИ. Некоторые особенности религиозного населения Беларуси (по материалам исследования «Типология религиозности в современной Беларуси», 2012–2015). *Философия и социальные науки*. 2016;1:82–91.

Статья поступила в редколлегию 03.09.2025.
Received by editorial board 03.09.2025.